

Инструментов в пещере почти не было, поэтому Сюй Шуанцы забрал на гору всё, что хоть как-то могло пригодиться.

Два дня у них с Цином ушло только на то, чтобы расчистить площадку у самого края утеса: повалить деревья, выкорчевать подлесок, убрать мусор и крупные камни. Когда с расчисткой было кончено, Цин снова ушёл на охоту, а Сюй Шуанцы остался один. Вооружившись самодельным каменным мотылом, он принялся разравнивать пологую часть склона, вытёсывая небольшие террасы под соляные поля.

На дно каждого такого бассейна он укладывал слой деревянных плашек, засыпал их мелким гравием, а сверху тщательно утрамбовывал красную глину — чтобы вода не просачивалась в землю и не мутилась от грязи.

В эти дни Цин обычно пропадал на целые сутки, зато возвращался с добычей, которой хватало дней на пять или шесть. Всё свободное время он помогал Сюй Шуанцы: колол бревна, таскал тяжёлые пласты красной глины.

С переделками и подгонками на обустройство соляных полей ушло пять дней. В самой работе ничего сложного не было, а вот таскать материалы наверх оказалось той ещё мукой.

Пока красная глина в бассейнах подсыхала на солнце, Сюй Шуанцы затеял новую стройку — решил выкопать печь для обжига.

Едоков их было всего двое, посуды требовалось немного. Можно было, конечно, обойтись простым обжигом в костре или яме, но раз уж выпала возможность, почему бы не выложить нормальную вертикальную гончарную печь, используя рельеф местности? Это и эффективнее, и прослужит она долго.

Такая вертикальная гончарная печь состояла из топки, дымохода, колосниковой решётки и обжигательной камеры. Топка располагалась снизу, под самой камерой, благодаря чему топливо прогорало куда лучше, чем в горизонтальных печах.

Гористый пейзаж предоставлял богатый выбор, и Сюй Шуанцы заметил небольшой холм у самой реки — аккурат там, где они набирали красную глину.

Выбрав место, он набросал простой чертёж на кусочке древесной коры. Рассчитал размеры и в первое же погожее, солнечное утро отправился копать, прихватив каменное мотыло.

Цин плохо понимал, чем занят его спутник. Тот целыми днями возился в грязи: если не роет яму, значит, ищет место для новой, вечно измазанный с ног до головы. В какой-то момент Цин даже начал подозревать, не переродился ли в Сюй Шуанцы субоборотень из Племени Кроликов.

Впрочем, видя, с каким азартом тот зарывается в землю, мешать не стал. Напротив, старался добыть побольше дичи за один заход, чтобы потом спокойно помогать на стройке.

Через три дня соляные поля на горе подсохли. Сюй Шуанцы, увлечённо копавший печь, прервался, только когда Цин позвал его обедать. Снова густая похлёбка. Сюй Шуанцы так и не понял, как тигру удаётся готовить своими массивными лапами, но списал всё на удивительную ловкость подушечек.

После еды полагалось бы отдохнуть, но Сюй Шуанцы вспомнил, что давно не проверял соляные поля на утесе. Мысль эта не давала покоя, и он вознамерился немедленно подняться на гору.

В итоге всё свелось к тому, что он просто уткнулся носом в густую шерсть на загривке Цина, а тот потащил его наверх.

Сюй Шуанцы был из тех людей, что уходят в работу с головой, забывая про сон и еду. Делу — всё время. Так было и в его прошлой жизни. Похоже, где-то глубоко внутри он привык ставить себя на самое последнее место и не видел никакой проблемы в том, чтобы слегка пожертвовать собственным комфортом ради результата.

Он никогда не копался в своей психологии — знал ведь, что изъянов в нём хватает. Да и у кого их нет?

Обхватив руками шею Большого Кота, юноша сладко зевнул. В уголках глаз выступили чистые, как хрусталь, слёзы.

— Ужасно хочется спать... — пробормотал он сонной гнусавостью.

Цин мягко провел хвостом по его спине:

— Спи.

— Сначала всё проверю, потом лягу, — пробормотал Сюй Шуанцы, зажмурившись и ещё глубже уткнувшись в тёплый мех.

Последние дни он без устали выкапывал горн на берегу реки, вечно вымазанный в пыли и саже. Оставалось лишь удивляться, как Цин вообще терпит его рядом. Утром, едва закончив работу, юноша даже не сменил измазанные зверские шкуры и теперь безбожно пачкал белоснежную шерсть зверя.

Большой Кот и впрямь был самым лучшим.

Жаль только, что он никогда не будет принадлежать ему одному.

Цин поднимался по склону ровным, размеренным шагом. Он намеренно не торопился, и вскоре дыхание у него на спине стало глубоким и ровным.

Добравшись до середины подъёма, зверь почувствовал, что ветер усиливается. Найдя подветренную сторону за большим валуном, он осторожно лёг на брюхо.

Слегка накренившись, расслабленный субоборотень начал сползать по шелковистому меху, но Цин вовремя подставил хвост, придерживая его.

Сюй Шуанцы смутно попытался открыть глаза, но мягкий тигриный хвост снова успокаивающе накрыл его. Проворчав что-то невнятное, юноша обнял пушистый хвост и опять погрузился в глубокий сон.

Достав прихваченную с собой сухую шкуру, Цин бережно укрыл его, а сам отплыл в сторону, скрывшись за деревьями. В мгновение ока сменив облик, он превратился в высокого мужчину и обернул бедра мягкой кожей.

Действуя по указаниям Сюй Шуанцы, он набрал воды из источника и заполнил соляные поля до самого края, так что влага едва не переливалась через бортики.

Закончив, он вернулся к спящему.

Цин наклонился. Длинные белые волосы соскользнули с плеч, обнажив безупречные, литые мышцы спины. На нем была лишь бедренная повязка, а ранний весенний ветер обжигал прохладой, но мужчина будто ничего не замечал. Его ледяные светло-голубые глаза неотрывно смотрели на лежащего на земле Сюй Шуанцы.

За несколько дней изнурительного труда субоборотень будто ещё больше похудел. Зато на щеках вместо прежней болезненной бледности играл здоровый румянец.

Цин осторожно коснулся его щеки подушечкой пальца.

Он старался действовать как можно нежнее, но на нежной коже юноши всё равно остался легкий красный след.

Шёлковая, невероятно приятная на ощупь кожа.

Смертельно уставший субоборотень даже не шелохнулся. Цин подхватил его под спину и колени, легко поднимая на руки.

Даже не открывая глаз, Сюй Шуанцы сам уткнулся лбом в его шею, устроившись как можно удобнее.

Его тихое, нежное дыхание коснулось кожи Цина.

От этой неожиданной, ничем не защищённой близости тело мужчины мгновенно одеревенело. Он всё ещё не привык к таким прикосновениям без разделяющей их густой шерсти.

Цин крепко сжал тонкие губы. Никаких других движений он не сделал, но без пышного меха было отчетливо видно, как его уши залила густая краска.

Застыв на месте и дав себе пару мгновений, чтобы справиться с неловкостью, Цин плотнее укутал Сюй Шуанцы в шкуру. Опасаясь пронизывающего ветра, он накрыл его даже с головой и только потом шагнул вниз по тропе.

Передвигаться на двух ногах в начале весны для оборотней было не так удобно, как на четырёх, к тому же было довольно прохладно, отчего большинство предпочитало звериный облик. Однако Цин спускался удивительно плавно, без единой встряски, так что Сюй Шуанцы ничего не почувствовал.

Лишь позже, проснувшись в тёплой пещере и потирая затекший затылок, юноша смутно подумал, что ему снова приснился сон.

И опять тот красивый беловолосый незнакомец.

Может, его перемещение в этот мир как-то связано с ним?

Не найдя ответа, он просто выкинул эти мысли из головы.

Сюй Шуанцы резко сел, сбрасывая меховое покрывало:

— Цин! Мои соляные поля!

Как так вышло, что он мгновенно оказался в пещере?

Цин, лежавший неподалеку, отозвался:

— Мы ходили. Тебе не приснилось.

Сюй Шуанцы вздрогнул от неожиданности, а потом накинул шкуру и поспешил к плетёному креслу рядом с тигром:

— А ты откуда знаешь, о чём я хотел спросить?

— По лицу видно.

— А поля?

— Я налил воду.

Сюй Шуанцы невольно улыбнулся, глядя на Большого Кота, который даже лёжа казался выше него, сидящего.

Разве можно было просто так взять и налить воду? Он ведь даже не проверил, не протекают ли бассейны!

Впрочем, говорить об этом доброму Цину он не стал. Сходит через пару дней и проверит результат сам.

Едва потрепав зверюгу по голове, юноша решил, что сидеть на плетёном кресле неудобно, сполз вниз и устроился прямо у бока Цина. Под бедрами лежала мягкая шкура, на поясницу привычно опустился пушистый хвост, своенравно живший собственной жизнью, а рядом приятно потрескивал костёр.

Сюй Шуанцы сладко вздохнул, перевернулся на живот, опираясь подбородком о спину зверя, и лениво спросил:

— Цин, в ближайшие дни дождя не будет?

— Скоро прошёл один, пока дождей немного, — отозвался тигр.

Настоящие ливни начались бы только через месяц.

Сюй Шуанцы протянул руку, с улыбкой почесав Цина под подбородком:

— Вот и отлично. Спасибо, Цин.

Этот жест был до того естественным, что смахивал на откровенное заигрывание!

Цин мгновенно вскинул голову, уворачиваясь от ладони.

Из такого положения вставать совсем не хотелось, но Сюй Шуанцы умел переступать через собственную лень.

Он перекатился через тигриный живот, а потом, не обращая внимания на опешившего зверя, принялся мять и поглаживать его от ушей до самого хвоста, пока Цин окончательно не впал в ступор.

Добившись своего и от души посмеявшись над ошеломлённым котом, довольный субоборотень поднялся и ушёл обратно к реке — докапывать печь.

Нарушитель спокойствия ушёл.

В воздухе всё ещё кружились выбитые им тигриные шерстинки.

Цин медленно опустил морду на лапы, спрятав нос, а его уши вспыхнули пунцовым цветом.

Понимает ли этот ненормальный вообще, что такие ласки дозволены только между партнёрами?!

Сюй Шуанцы, разумеется, ничего подобного не знал. Полный энергии и энтузиазма, он вовсе спешил к реке.

После этого случая Цин несколько дней старался не подпускать субоборотня слишком близко.

К счастью, Сюй Шуанцы наконец закончил с вертикальной гончарной печью и переключился на промывку глины и лепку, так что ничего подозрительного не заметил.

Гончарное дело — это, по сути, та же игра с грязью.

Добытую глину нельзя использовать сразу: её нужно растолочь, промыть в воде, дать отстояться и получить пластичную массу. Только после этого из неё можно вытягивать жгуты или формировать изделия на гончарном круге, а затем покрывать ангобом, сушить в тени и отправлять в печь.

В последний раз Сюй Шуанцы возился с глиной лет в шесть, так что, скатывая первые колбаски, ощущал странную ностальгию.

Чтобы не скучать в одиночестве, он привлекал к процессу и Цина. На нескольких глиняных котлах с ножками юноша даже заставил тигра отпечатать мягкие подушечки лап.

Цин хоть и проявлял недовольство, но послушно подставлял лапу.

Они налепили кучу горшков, мисок, кувшинов, а также больше сотни маленьких глиняных стаканчиков для выпаривания соли.

Когда всё подсохло в тени, посуду партиями загрузили в печь, и оставалось только развести огонь.

Но перед этим Сюй Шуанцы снова поднялся на гору.

Результат превзошел все ожидания: поверхность бассейнов покрылась плотным слоем белых кристаллов. Настоящая соль!

Больше не нужно было пить горьковатую соляную воду. Сюй Шуанцы тут же взялся за деревянную скребницу, счищая кристаллы.

Цин стоял рядом, переводя взгляд с хмурого неба на высохшие бассейны.

Надо же, вода и впрямь может исчезать таким образом.

Заметив, что юноша сгребает соль вместе с верхним слоем глины, Цин предупредил:

— Снизу грязь.

— А такую соль, — отозвался Сюй Шуанцы, — мы сможем отдавать животным, когда заведём скот. Ничего не пропадёт!

В будущем он обязательно собирался развести домашний скот, так что соль пригодится.

Проговорив это, Сюй Шуанцы внезапно замер.

Улыбка на его лице мгновенно погасла.

Дыхание перехватило, и голос прозвучал совсем тихо:

— Слушай... А как же те яйца, что я принёс?..

— Оставил у костра, — спокойно ответил Цин.

— Они не испеклись?!

— Я их поворачивал.

Сюй Шуанцы пробормотал:

— Надо срочно вернуться и посмотреть...

Как можно было забыть про такую важную находку?

Впрочем, Цин оказался невероятно надёжным напарником.

С наступлением темноты Цин спустил его с горы вместе с мешком чистой соли и сумкой засоленной глины.

Едва шагнув в пещеру, Сюй Шуанцы бросился к яйцам.

Цин затворил деревянную дверь и подошел к субоборотню, сидевшему на корточках у огня.

Юноша подносил каждое яйцо к отсветам пламени, внимательно разглядывая содержимое.

— Что ты там пытаешься увидеть? — Цин наклонился ближе, разглядывая кладку вместе с ним.

Касания пушистого меха щекотали щеку, и Сюй Шуанцы, не долго думая, просто прижался щекой к его мягкой морде.

Он указал пальцем на скорлупу:

— Смотри, внутри есть тёмная точка и тонкие паутинки сосудов. Это значит, что яйцо оплодотворено и из него вылупится птенец.

Бывают яйца живые, а бывают испорченные.

Впрочем, радость Сюй Шуанцы длилась недолго. Из четырнадцати штук почти половина оказалась непригодной.

Он уныло вздохнул, продолжая просвещать Цина:

— Вот эти, видишь? Скорлупа потемнела. А если потрясти — внутри будто болтается жидкость. Это болтушки, из них ничего не вылупится.

Цин смерил взглядом оставшуюся кучку. Значит, осталось всего шесть.

Чуть лучше, чем ничего.

Заметив поникший вид субоборотня, тигр спокойно произнес:

— Я найду ещё.

— Правда?! — Глаза Сюй Шуанцы мгновенно вспыхнули ярким светом.

— Угу, — так же невозмутимо подтвердил Цин.

— Большой Кот, ты просто чудо!

Сюй Шуанцы эмоционально подался вперёд, обнял большую тигриную морду и сочным звуком поцеловал его прямо в нос, да так сильно, что густой мех сморщился.

А в следующее мгновение...

Цин с коротким рыком вскинул лапу и отпихнул его, отскакивая в сторону и свирепо... затряс ярко-красными ушами?!

— Сюй Шуанцы!

— Я здесь! — пролепетал юноша, распластавшись на спине и недоуменно глядя на тяжелую лапу, снятую с его живота.

Цин, посмотрев на его озадаченное лицо, понял, что тот опять сделал это не подумав.

Дёрнув хвостом, тигр развернулся и ушёл наружу — справляться с эмоциональным шоком в одиночестве.

<http://bllate.org/book/20124/1993004>